

Н. А. БУТИНОВ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ *

Этническая и языковая дробность коренного населения Новой Гвинеи значительна. Но в этом вопросе не следует впадать в крайность, как некоторые зарубежные авторы: Кэпелл, например, насчитывает на Новой Гвинее около 300¹, колониальная администрация — 500², Вурм — 700³ различных языков. При этом речь идет о населении лишь двух третей острова (население одной трети почти не изучено).

Исследователи нередко считают различными папуасскими языками по существу диалекты одного языка, ссылаясь при этом на самих папуасов: папуасы, пишет Вурм, называют все языки, отличающиеся чем-либо от их собственного, «другими языками»⁴. Но решать вопрос о том, разные это языки или диалекты одного языка — задача исследователя.

Однако это лишь один, притом не основной, источник ошибок, ведущих к представлению о преувеличенной этнической и языковой дробности папуасов.

Гораздо важнее другое. На Новой Гвинее наблюдается большая близость по языку соседних групп населения. С. П. Толстов назвал такое явление первобытной лингвистической непрерывностью. По-видимому, это остаток от тех древних времен, когда язык каждой родовой общины был очень близок к языкам соседних родовых общин, и все же несколько отличался от них. С течением времени языковые группы стали крупнее, но лингвистическая непрерывность осталась. На острове нет резких границ между языками. Папуасские языки незаметно переходят один в другой. Существует цепная связь языков, при этом, как писал Вирц о языках побережья Папуасского залива, «каждое звено обнаруживает небольшое отклонение от обоих соседних»⁵. Недавно цепную связь языков К. Рид обнаружил в центральных горных районах Восточной Новой Гвинеи. Он пишет, что в этих районах границы между языками «нигде не являются резкими, обычно существует постепенный переход»⁶. О цепной связи языков на побережье залива Астролябии писал Н. Н. Миклухо-Маклай⁷, в районе реки Сепик — М. Мид⁸. Можно на-

* Доклад, представленный X Тихоокеанскому научному конгрессу (Гонолулу, август—сентябрь 1961 г.).

¹ A. Capell, *A linguistic survey of the South-Western Pacific*, Noumea, 1954.

² «New Guinea Languages» (Map). Prepared by the Department of Education, Port Moresby, 1955.

³ S. A. Wurm, *The changing linguistic picture of New Guinea*, «Oceania», 1960, № 2, стр. 129, 132.

⁴ Там же, стр. 129—130.

⁵ P. Witz, *Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes*, British New Guinea, Leipzig, 1934, стр. 3.

⁶ K. E. Read, *Cultures of Central Highlands, New Guinea*, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 10, № 1, 1954, стр. 34.

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собрание сочинений*, т. III, ч. 1, М.—Л., 1951, стр. 92.

⁸ M. Mead, *The Mountain Arapesh*, «Anthropological papers of the American Museum of Natural History», т. XXXVI, ч. III, 1938, стр. 151—152.

помнить, наконец, слова М. Кригера: «папуасские языки незаметно переходят один в другой»⁹, а также утверждение Цоллера о наличии «переходных ступеней» между папуасскими языками¹⁰.

Отсутствие резких границ между языками порождает трудности при отделении их друг от друга.

В районе Горока, например, живет около 20 тыс. папуасов. Население восточной части этого района говорит на другом языке, чем жители западной. Но сколько языков в этом районе? Где провести границы между ними? «Существует,—отмечает К. Рид,—значительное сходство в словаре от языка к языку»¹¹. Кое-какие различия имеются, но они явно недостаточны для того, чтобы отделить один язык от другого. «Например, имеются различия между языком племени гахуку—гама и языками их соседей—гахана, джухаджуха и кабиджуха, но эти различия по своему характеру и значению не больше тех, какие существуют в рамках одного языка, внутри одного и того же племени»¹².

Тем не менее полевой этнограф, как правило, проводит границы языка и границы племени. На практике это выглядит следующим образом.

Данные о племени айга Уильямс собирал в деревне Корисата (здесь он жил несколько месяцев). Именно из этой деревни он предпринимал экскурсии в 15 других деревень племени айга. Вот что пишет по этому поводу сам Уильямс: «Хорошая прогулка к месту назначения; несколько часов работы; ленч... потом еще несколько часов работы; и, наконец, хорошая прогулка домой—таков был распорядок тех небольших экскурсий, которые всегда были самой приятной частью полевой работы»¹³. В состав племени айга и вошли как раз все те деревни, которые Уильямс посетил из деревни Корисата. И неудивительно, что деревня Корисата находится в центре очерченной Уильямсом на карте области племени айга.

Другой пример. Миссионер Каспрус выделил девять подгрупп в составе этнолингвистической группы эм соответственно числу миссионерских школьных центров, расположенных в районе этой группы. «Этот деление,—пишет он,—ни в коем случае нельзя считать произвольным, так как деревни группировались вокруг той школы, которая им наиболее подходит, хотя иногда она была не самой ближней»¹⁴. Но если бы там было не 9, а 15 школьных центров, то Каспрусу пришлось бы выделить 15 подгрупп. Произвольность его деления совершенно очевидна.

Уильямс и Каспрус сами посетили из своих «центров» деревни, включенные ими в состав племен айга и эм. Другие этнографы достигают того же результата, не покидая «центра», путем расспроса папуасов. При этом, однако, может случиться так, что основной информатор окажется не из той деревни, где живет этнограф. Тогда в центре очерченной этнографом языковой и этнической территории окажется, естественно, деревня основного информатора.

Так получилось, например, с американским этнографом Гуднау, жившим в районе племени мае. В центре этнической территории расположена не станция Вабаг (где жил Гуднау), а деревня Лаиагама¹⁵. Это можно объяснить только тем, что основным информатором Гуднау

⁹ M. K r i e g e r, *New Guinea*, Berlin, 1899, стр. 141.

¹⁰ См.: «Petermann's Mitteilungen», 1890, стр. 146.

¹¹ K. E. R e a d, Указ. раб., стр. 7.

¹² Там же, стр. 35.

¹³ F. E. W i l l i a m s, *Orokaiva Society*, London, 1930, стр. 2.

¹⁴ A. K a s p r u s, *The languages of the Mugil District, NE-New Guinea*, «Anthropos», 1942—1945, стр. 724.

¹⁵ W. H. G o o d e n o u g h, *Ethnographic notes on the Mae people of New Guinea Highlands*, «Southwestern Journal of Anthropology», 1953, № 1, стр. 29.

был папуас из этой деревни. Сам Гуднау не мог в достаточной мере изучить язык (он жил здесь всего одну неделю) и мог полагаться только на расспросы папуасов. По данным австралийского этнографа Меджита (который был здесь за пять лет до Гуднау), жители деревни Лаиагама проводят границы племени мае там, где показал Гуднау¹⁶. Сам Меджит, однако, считает правильными другие границы, а именно те, которые проводят жители станции Вабаг (Вабаг находится в 20 км к востоку от Лаиагама, поэтому и границы передвигаются соответственно на 20 км на восток).

В результате мы имеем два варианта границ племени мае (оба исследователя жили в одном пункте, но имели информаторов из разных мест).

Предположим теперь, что приедет третий этнограф и остановится в деревне Вапенаманда (40 км к востоку от Вабаг). Тогда границы племени мае, как это выяснил тот же Меджит, передвинутся еще на 40 км на восток¹⁷.

Полевой этнограф, попавший в условия цепной связи языков, действует подобно ножке циркуля. Где он останавливается (или из какой деревни происходит его основной информатор), там и будет центр этнической территории. Из этого центра этнограф проводит окружность определенного радиуса (назовем его радиусом этнической общности). Так на карте Новой Гвинеи появляется очередное новое «племя» с указанием занимаемого им района.

Случай с мае любопытен не только тем, что это «племя» имеет скользкие границы. Не менее любопытно и другое. В этом районе Меджит отметил два племени: мае и лаиапу. Жители деревни Лаиагама называют себя мае, а жителей деревни Вапенаманда — лаиапу. Однако сами жители деревни Вапенаманда считают себя мае. Получается, что не только границы племени скользят в связи с изменением центров, из которых ведется исследование, но и сама племенная принадлежность населения меняется¹⁸.

Дело в том, что папуасы, как правило, не имеют племенных самоназваний. Все названия, фигурирующие на этнических картах Новой Гвинеи, даны европейцами. Это — названия деревень, рек, гор, островов, административных пунктов, миссионерских станций, которым придано этнонимическое значение. В создании папуасской этнической терминологии господствует полный произвол¹⁹.

Папуасы обычно проводят различие лишь между «своими» и «чужаками». Если мы спросим, например, кто такие маринд-аним, то нам ответят: это жители нашей деревни и соседних деревень, а все остальные — это икам-аним, чужаки. На этом основании Вирц делает неверный вывод, будто бы «туземец не различает членов своего племени, если они живут далеко от него, от членов других племен»²⁰. На деле этот факт говорит лишь о том, что границы «племени», проведенные Вирцем, неверны.

Во всяком случае, отделить один папуасский язык от другого очень трудно.

Чтобы как-то выйти из этого положения, К. Рид вводит новое понятие: «языковой центр». На Новой Гвинее, пишет он, существуют «зоны

¹⁶ M. J. Meggitt, *The Enga of New Guinea Highlands*, «Oceania», 1958, № 4, стр. 257.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Так, население дельты реки Пурари фигурирует на картах под названием «намау», что на местном языке означает «глупые». Это название дал миссионер после того, как потерпел неудачу в попытке обратить папуасов в христианскую веру. См.: F. E. Williams, *The natives of the Purari Delta*, Port Moresby, 1924, стр. 4.

²⁰ P. Wirz, *Die Marind-anim*, т. II, 1925, стр. 161.

более или менее интенсивной общей жизни». Чем ближе к центру, тем интенсивнее общая жизнь, и наоборот. На окраине зоны — переходная территория, и за нею новая зона. Провести границы между зонами трудно, но центры их указать можно²¹.

Предложение Рида неприемлемо. Нет таких «центров», где не было бы языковых различий. Язык изменяется всюду и постепенно, от деревни к деревне.

Почему Рид ввел это понятие? Потому что он жил в двух соседних пунктах, гахуку и гама. Для него это были два «центра». Язык гахуку, естественно, отличается от языка гама. Далее Рид движется от одного центра к другому. Вот его впечатления: «Существует постепенный переход через взаимосвязанные ряды, при этом районы более интенсивной совместной жизни (то есть гахуку и гама.— Н. Б.) выглядят на карте подобно тени; тень постепенно ослабевает по мере того, как мы отходим от данной точки (от гахуку.— Н. Б.), и затем вновь усиливается по мере того, как мы приближаемся к другой точке (к гама.— Н. Б.)»²².

Впечатления Рида совершенно правильны. Но все дело в том, какую точку принять за центр. Рид предлагает начинать «с какой-либо точки в центральной части долины»²³. Но ведь можно начать с любой точки, и тогда она станет центром, а «тень» (языковая зона, по Риду) расположится вокруг этой точки. Если этнограф начнет с точки А, в «тени» окажется один район, а если с точки В — другой.

Для многих «племен» исследователи не указывают границ. Так, о населении района реки Раму Кэпелл пишет: «Провести границы между языками с точностью до отдельных деревень — это одна из тех задач, которые еще надо решить»²⁴. Многие исследователи не сообщают, в какой деревне жили они сами или их информаторы. Так, К. Шмиц, изучавший в 1956 г. «племя» комба (полуостров Гуон), не указал, где он проводил свои исследования²⁵. О многих «племенах», в том числе и о таких широко известных в науке, как голиаф, песехем, тапиро, мы имеем лишь случайные данные, явившиеся результатом мимолетных посещений.

Что касается тех «племен», о которых у нас имеются достаточные сведения, то в центре (или посредине, если речь идет о прибрежной полосе) территории каждого из них расположена, как правило, деревня, в которой жил исследователь. Исключения редки, они обусловлены зависимостью этнографа от тех «племенных» границ, которые были проведены его предшественником.

Очертания «племенных» территорий, проведенных на карте, могут быть самыми различными. Это может быть окружность («племя» хули). Райен прямо говорит о радиусе в 7,5 км, с помощью которого он провел из станции Менди южную, западную и восточную границы «племени» менди²⁶. Но затем он переселился на 6—7 км к северу от станции Менди, на территорию клана Периколе. Поэтому северная граница отстоит от станции Менди не на 7, а на 13—14 км. Очертание «племенной» территории может напоминать полукруг (сакер, матукар, мейбрат, хуниара, капауку), если исследователь живет на берегу моря, на склоне необитаемых гор или на этнической границе, проведенной до него другим

²¹ K. E. Read, Указ. раб., стр. 42.

²² Там же, стр. 34.

²³ Там же, стр. 41.

²⁴ A. Capell, Languages of Bogia District, New Guinea, «Oceania», 1951, № 2, стр. 131.

²⁵ K. Schmitz, Historische Probleme in Nordost-Neuguinea, Wiesbaden, 1960.

²⁶ D'Arcy J. Ryan, Clan organization in the Mendi valley, «Oceania», 1955, № 2, стр. 83.

исследователем. Это может быть прямоугольник, если исследователь движется по этнической целине и проводит границы справа и слева от линии своего маршрута (территория маринд-аним по обе стороны реки Биан). Наконец, это может быть прибрежная полоса, с «центром равновесия» посередине (ванимо, моандо и т. д.).

Что можно сказать о таких «племенах»? По нашему мнению, данные о них не столь надежны, чтобы их можно было наносить на этнолингвистическую карту. Ведь если бы этнографы жили в других деревнях или двигались по другим маршрутам, то и границы «племен» были бы иными.

Возьмем «племя» гогодара. Бивер пересек территорию гогодара с юга на север; река Арамия преградила ему путь, и он провел здесь северную границу этого «племени»²⁷. Лайонс пересек территорию гогодара с запада на восток, по реке Арамия. Поэтому он «исправил» северную границу, передвинув ее значительно дальше на север, но южную границу оставил, как у Бивера²⁸.

Вирц, отрицая существование резко обособленных племен на побережье Папуасского залива, сделал для гогодара исключение²⁹. Мы видим, однако, что делать такое исключение нет достаточных оснований.

Возьмем «племена» арапеш и абелям. Мид провела границы арапеш, живя в деревне Алитоа³⁰. Служащие колониальной администрации, живя в деревне Маприк (недалеко от Алитоа), провели границы «племени» маприк³¹. Территории этих «племен» перекрыли одна другую. Каберри жила в деревне Калабу (между Алитоа и Маприк) и попыталась уладить этот «пограничный спор», но сделала это неудачно³².

Мы думаем, что это вообще не племена. Прав был Вирц, когда писал: «Это просто группы населения, довольно рыхлые, образовавшиеся в ходе времени благодаря соседству, с одной стороны, и общности языка, с другой»³³. Каждая деревня имеет своих соседей, с которыми она поддерживает контакт, и составляет поэтому центр особой группы населения. Состав этой группы непостоянен, одни деревни могут из нее выйти, другие — включиться в нее. Таких, групп, которые часто принимают за «племена», можно насчитать на Новой Гвинее очень много.

Для таких групп пока нет названия. Между тем они его заслуживают. Поэтому мы рискуем предложить новый термин — конэо (контактная этнолингвистическая общность).

Конэо нельзя путать с племенем. Границы конэо обусловлены тем, от какой деревни ведется счет. Эта деревня окажется, как правило, в центре ее территории. Территория конэо простирается во все стороны от центра на расстояние радиуса этнолингвистической общности.

Понятие этнолингвистической общности относительно. Степень общности может быть разной. Из одного центра можно провести не одну, а две-три окружности, причем в наибольшую будут вписаны остальные.

Так, сделали, например, супруги Берндт. Они жили в деревне Маирапа (два дня ходьбы от Каинанту). Из этого центра они провели одну окружность («дистрикт»; район Кору). Затем взяли радиус побольше, и провели вторую («этнолингвистическая общность», утурупа). Нако-

²⁷ W. N. Beaver, *Unexplored New Guinea*, London, 1920, стр. 188.

²⁸ A. P. Lyons, *Notes on the Gogodara tribe of Western Papua*, «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1926, стр. 329.

²⁹ P. Wirz, *Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes*, British New Guinea, стр. 4.

³⁰ M. Mead, *Указ. раб.*, стр. 156.

³¹ A. P. Elkin, *Social anthropology in Melanesia*, London, 1953, стр. 87.

³² P. M. Kaberry, *The Abelam tribe, Sepik District*, «Oceania», 1941, № 3, стр. 235.

³³ P. Wirz, *Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes...*, стр. 7.

нец взяли радиус еще больше, и провели третью (группа в целом — утурупа, камано, джате, форе)³⁴.

Сходный случай произошел с Мэри Рэй. Она жила в поселке Миньи. Из этого центра она провела одну окружность (кума), и затем, с помощью большого радиуса, вторую (нангамп)³⁵.

Чем больше радиус, тем общность, естественно, меньше. Подменять пространственный фактор временным и считать, что степень общности зависит от давности ответвления одного языка от другого, было бы ошибкой. Такую ошибку допустил, например, Сэлисбури³⁶.

Сэлисбури попытался применить к сиане и соседним языкам лексико-статистический метод, предложенный американцем Сводешом³⁷. Он установил, сравнивая имеющиеся словари, что ковена и сиане имеют 91% общей лексики, сиане и гахуку — 86%, ковена и гахуку — 84%. Затем он сравнил все три языка с генде и нашел, что процент общей с генде лексики у них примерно одинаков (хотя у гахуку немного меньше). На основании этих данных Сэлисбури построил следующую родословную: сначала был только язык генде; потом от него ответвился язык гахуку, и они начали расходиться в лексике; через некоторое время от языка генде (который успел к тому времени немного измениться) ответвился язык прото-сиане; и, наконец, от языка прото-сиане произошли языки сиане и ковена.

Близость языка в данном случае определяется, однако, близостью их в пространстве, а не во времени. От сиане (речь идет о племени комунку) до ковена примерно 15 км, они имеют 91% общей лексики; от сиане до гахуку 23 км, они имеют 86% общей лексики; от ковена до гахуку 25 км, они имеют 84% общей лексики. По мере увеличения расстояния процент общей лексики уменьшается.

Как уже отмечалось, радиус и степень этнической общности находятся в отношении обратной пропорциональности друг к другу.

Таковы факты, говорящие о том, что на Новой Гвинее до колонизации не было и не могло быть той этнической и языковой раздробленности, из-за которой этот остров называли «островом лингвистических джунглей». Тем более нет этой раздробленности в настоящее время.

К сожалению, этническую дробность подчас пытаются искусственно создать там, где ее на деле не существует. Можно привести два примера этого из районов Чимбу и Хаген.

В районе Чимбу в 1938 г. работала экспедиция в составе трех человек, которая занималась «определением (*inter alia*) границ основных племен Чимбу»³⁸. В результате в том самом районе, где, по Нильсу, существует только одно «племя» куман, появилось более 20 «племен», и границы их проведены не только на карте: «некоторые племенные границы отмечены теперь рядами деревьев»³⁹, или вбитыми в землю кольями⁴⁰. Эти искусственные «племена» (в том числе «племя» нарегу с центром в поселке Минтьима, откуда велось исследование) навязаны насильно населению района Чимбу: назначены вожди «племен», по «племенному» принципу ведутся контрактация труда, сбор налогов, мобилизация на общественные работы. Эти единицы реально существуют

³⁴ C. Berndt, *Socio-cultural change in the Eastern Central Highlands of New Guinea*, «Southwestern Journal of Anthropology», 1953, № 1, стр. 113—114.

³⁵ M. Reay, *The Kuma*, Melbourne, 1959, стр. 1.

³⁶ R. F. Salisbury, *The Siame language of the Eastern Highlands of New Guinea*, «Anthropos», 1956, стр. 453—454.

³⁷ M. Swadesh, *Lexicostatistic dating of prehistoric ethnic contacts*, «Proceedings of the American Philosophical Society», т. 96, 1952, стр. 453.

³⁸ P. Brown and H. C. Brookfield, *Chimbu land and society*, «Oceania», 1959, № 1, стр. 2.

³⁹ Там же, стр. 3.

⁴⁰ Там же, стр. 14—15.

теперь в системе колониального управления, с их наличием папуасы района Чимбу не могут не считаться.

Другой пример. В районе Хаген на языке медлла говорит 40 тыс. человек. Этот язык, по мнению Элькина, может и должен стать общим для всего района, то есть примерно для 100 тыс. человек⁴¹. Но в районе работают две миссии, католическая и лютеранская. В каждой из них одни и те же слова этого языка произносятся различно. В результате происходит, как отмечает Элькин, «произвольное дробление языка»⁴². Миссионеры ведут дело к тому, что язык медлла может распасться на два самостоятельных диалекта.

Одной из основных задач этнографов, изучающих Новую Гвинею, является выявление реальных этнических групп, а не тех «племен», в центре каждого из которых находится хижина исследователя или его основного информатора. Это не племена, а конзо. К сожалению, данных для выявления реальных этнических общностей собрано очень мало. Здесь предстоит еще большая работа.

Число реальных этнических групп (если иметь в виду лишь папуасские языки) исчисляется не сотнями, а всего лишь десятками.

В центральных горных районах Восточной Новой Гвинеи имеются по существу лишь две этнические группы: западная (Вабаг, Хаген, Чимбу) и восточная (Каинанту, Горока). Эти две группы отделены друг от друга высокими горными хребтами. Здесь этническая граница является довольно четкой⁴³.

В последние годы большую работу по выявлению реальных этнических групп на Новой Гвинее провели австралийские лингвисты А. Кэпелл и С. Вурм. Кэпелл группирует языки, исходя из их грамматической структуры, Вурм — из их «основной лексики». Метод Кэпелла — гораздо более трудоемкий, к тому же, как замечает Вурм, сходства в грамматической структуре вряд ли поддаются статистическому учету⁴⁴. Метод же Вурма не требует больших затрат времени. Вурм берет «основной словарь» (100—200 слов), состоящий из названий важнейших частей тела, некоторых терминов родства, некоторых местоимений и числительных и т. п., и сравнивает на этой довольно узкой основе разные языки. Он приходит к выводу, что в настоящее время на Новой Гвинее имеется всего 12 больших языковых групп.

Вурм идет по стопам глоттохронологической теории, пытающейся определить дату ответвления двух языков от общего языка-предка по проценту сходств в их «основной лексике». Лексика эта называется «основной», потому что (по мнению сторонников этой теории) она не заимствуется. «Такие слова в языке,— пишет Вурм,— вряд ли могут быть заменены словами из другого языка, хотя бы эти два языка находились в контакте»⁴⁵. На это можно возразить, что в условиях цепной связи языков нет и не может быть такой лексики, которая не заимствуется. Ведь не кто иной, как сам Вурм пишет об этом: «Языки, принадлежащие к двум разным подсемьям, или даже к двум разным семьям, но расположенные рядом или недалеко друг от друга, обнаруживают более высокий процент сходства в основной лексике, чем несоседние языки в рамках одной и той же подсемьи или семьи. Это явление можно отнести за счет длительного контакта... за счет взаимных заимствований, распространяющихся и на основную лексику данных языков»⁴⁶.

⁴¹ А. Р. Elkin, Указ. раб., стр. 82.

⁴² Там же.

⁴³ К. E. Read, Указ. раб., стр. 5 и сл.

⁴⁴ S. A. Wurm, The linguistic situation in the Highlands Districts of Papua and New Guinea, «Australian Territories», т. 1, № 2, 1961, стр. 17.

⁴⁵ Там же, стр. 16.

⁴⁶ Там же, стр. 21.

В условиях цепной связи языков родство между ними является результатом двух факторов: 1) данные языки ответвились от общего языка-предка и сохраняют сходные черты, 2) данные языки находятся в тесном контакте и постепенно приобретают сходные черты. Вурм попытался, основываясь на «основной лексике», абстрагироваться от второго фактора, но это ему не удалось. Вторым недостатком метода Вурма состоит в том, что он берет один язык в качестве эталона и вычисляет в процентах отклонения в «основной лексике» других языков от этого языка-эталона. Так, он берет язык, на котором говорят жители поселка Вабаг, за основу, «так как лингвистически и географически он занимает самую центральную позицию»⁴⁷, и сравнивает с ним соседние языки. В результате в центре большой языковой группы, очерченной им, оказывается поселок Вабаг. Так же обстоит дело и с некоторыми другими группами, в центре которых расположены поселки Финистегу, Горока, Бенабена, Чимбу, Хаген, Тари, Менди⁴⁸. Это — те же самые конзо, только с большим радиусом этнической общности.

Мы думаем, что если сравнивать языки по лексике в целом (а не по 100—200 слов) и не исходить при сравнениях из одного языка как эталона, то языковые группы будут еще крупнее, а количество этих групп — еще меньше. Это очень важное обстоятельство, так как папуас, говорящий на одном из языков внутри такой группы, «овладевает другим языком той же группы в очень короткий срок и без больших усилий»⁴⁹.

До сих пор мы говорили только о папуасских языках. К этому надо добавить, что в Восточной Новой Гвинее около 200 тыс. населения говорит на меланезийских языках. Этих языков много, но они очень близки. Тот, кто говорит на одном из меланезийских языков, может, по мнению Вурма, овладеть другим менее чем за неделю⁵⁰.

В Западной Новой Гвинее (Западный Ириан) около 100 тыс. чел. говорит на индонезийских языках (голландские лингвисты объединяют эти языки с языками индонезийского острова Гальмагера, в южногальмагерскую западноирианскую группу). Это — результат тесных и древних связей Западного Ириана с Индонезией. Археологические исследования (находки бронзовых топоров в Западном Ириане) свидетельствуют о том, что эти связи восходят еще к эпохе бронзы, когда они простирались на восток до озера Сентани⁵¹, то есть до самой границы с Восточной Новой Гвинеей. Эти связи не прерывались и в последующие века. Западный Ириан входит как составная часть в древние индонезийские государства. В прибрежных районах и на островах залива Гелвинк появляется железо, каменные орудия постепенно выходят из употребления. Ремесло отделяется от земледелия, появляются специалисты по плавке железа, кузнецы и т. д. Все это ведет к изменениям и в этническом облике населения — все шире распространяются в Западном Ириане индонезийские языки, на этой основе формируются крупные племена (например, племя нумфор, насчитывающее около 40 тыс. чел.).

Колонизация Западного Ириана Голландией не прервала этот процесс, но придала ему несколько иное направление. С этого момента в Западном Ириане вводится единый собственно индонезийский язык (раньше его называли малайским). На этом языке ведется общение чиновников колониального аппарата с папуасами, обучение в школах, служба в церквях. Местные языки используются в обучении лишь в

⁴⁷ S. A. Wurm. The linguistic situation in the Highlands Districts of Papua and New Guinea, стр. 22.

⁴⁸ Там же, стр. 19.

⁴⁹ Там же, стр. 133.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: «Nova Guinea», г. III, 1907, табл. 24, рис. 2, 3; «Bijdragen tot de Taal- en Volkenkunde», стр. 272—274.

порядке исключения (нумфор, вондама), но и там наряду с собственно индонезийским⁵². Так, около половины населения, говорящего на языке нумфор, умеет на нем читать и писать, и столько же умеет читать и писать по-индонезийски. На языке вондама читают и пишут 25% говорящего на нем населения, а на индонезийском — половина этого населения. В остальных районах знают, как правило, два языка — местный и индонезийский, а грамотное население читает и пишет только по-индонезийски. Средняя грамотность, согласно официальным данным 1947 г., составляет 25%. Индонезийский язык знают всюду, даже в центральных горных районах. Постепенно он становится вторым родным языком каждого жителя Западного Ириана.

Процесс формирования единой западноирианской народности пока еще нельзя считать завершенным. Но этот процесс происходит на наших глазах, и в последние годы, в условиях борьбы населения Западного Ириана за воссоединение с Индонезией, протекает особенно бурно⁵³.

В Восточной Новой Гвинее мы наблюдаем иные, менее благоприятные условия развития. Но и здесь постепенно идет процесс этнической консолидации населения. Колониальные власти и миссии, стремясь распространить свое влияние, создали на некоторых местных языках письменность, и тем способствовали появлению «больших языков». Таковы языки кате, грагед, ябим, суау, моту, тоарипи. Кроме того, как показал Вурм, здесь существует группа родственных языков с числом говорящих на них около 750 тыс.⁵⁴ Один из языков этой группы может, при благоприятных для этого условиях, стать общим для всей Восточной Новой Гвинее. Широко распространен английский язык (правда, как правило, в довольно уродливой форме пиджин-инглиш, сочетающей английскую лексику с местной грамматикой).

Задача изучения этнического состава Новой Гвинее встает сейчас, в условиях полной и окончательной ликвидации колониальной системы, с особой остротой.

SUMMARY

The ethnic and linguistic diversity of the aboriginal population in New Guinea is considerable. There is reason to believe, however, that the number of ethnolinguistic groups does not amount to hundreds but to dozens. In New Guinea there are no sharp boundaries between the languages. There predominates a propinquity of the contiguous languages. The Papuans as a rule have no tribal names and do not indicate the boundaries of tribal territories. This is first done by ethnologists after the analysis of linguistic data. The place where the ethnologist has lived is generally the geographical centre of the tribal territory which he indicates on the map. Sharp boundaries between neighbouring languages indicated on the maps are not reliable. Attempts to separate one part of the population from the other in practice by means of drawing such boundaries may introduce ethnic diversity where it has never existed.

In the present situation the study of the real ethnic composition of the New Guinea population is very urgent. In distinguishing real ethnic groups it is necessary to consider not only the language community but also that of the culture.

⁵² Следует строго различать индонезийские языки и собственно индонезийский язык. Это в одинаковой мере относится как к Индонезии, так и к Западнему Ириану. Население Индонезии говорит на многих языках, но имеет, кроме того, один общий для всех язык, собственно индонезийский. Население Западного Ириана также говорит на многих языках (папуасских и индонезийских), но здесь также находит все более широкое распространение один общий для всех язык, собственно индонезийский.

⁵³ Н. А. Бутин ов, Западный Ириан, «Сов. этнография», 1957, № 4.

⁵⁴ S. A. Wurm, The changing linguistic picture of New Guinea, стр. 132. Всего на Новой Гвинее проживает около 2 млн. чел. коренного населения.